

РУССКИЕ КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Статья посвящена одному из национальных меньшинств Китая, которое составляют представители второго и третьего поколений русских эмигрантов, поселившихся на данной территории в разное время. В статье рассматриваются основные этапы восточной русской эмиграции на территории Китая, география современного расселения потомков эмигрантов и уровень их лингвистической компетенции.

The paper is devoted to one of the minority group China which consists of the first and second generation representative of the Russian immigrants settled this territory at different times. The article is examined with the basic periods of the Russian eastern immigration on China territory, the geography of a modern settling of the immigrant descendants and the level of their linguistic competence.

Пестрота национального состава населения многих стран, а также общемировые тенденции к сохранению национальной идентичности, возрождению утраченных культурных и исторических доминант, обращению к истокам, национальным корням вызвали интерес общества к проблемам национальных меньшинств и эмигрантов. Открытость границ и снятие идеологических барьеров, признание эмиграции частью истории страны и доступность ранее закрытых архивных данных также явились факторами, стимулирующими рост внимания к миграционным процессам и их результатам как со стороны научных сообществ, так и со стороны государств.

Процессы переселения внутри и за пределы национальной территории, свойственные представителям многих народов, затронули и подданных Российской империи, осваивавших огромную территорию Дальневосточного региона. На протяжении XIX-XXI вв. Дальний Восток России является территорией интенсивных внутренних и внешних миграций. Именно на Дальнем Востоке проходит наиболее протяженная граница России с Китаем, что способствовало некоторому оттоку русскоязычного населения в Китай еще во времена заселения русскими Приамурья и Северного Приморья. «С середины XVII в. процессу внешних миграций способствовало отсутствие точной границы с цинским Китаем, а с середины XIX в. установление добрососедских отношений в результате подписания ряда договоров» [1, с. 30-31]. На фоне мировых и внутрироссийских миграционных процессов передвижения части российских подданных на территорию Китая были незначительными и малозаметными, поэтому долгое время это явление не привлекало внимания исследователей. В последние годы в связи с активизацией интереса к истории российской эмиграции как в России, так и за рубежом проблемы внешних миграций, изучение форм, характера и причин перемещений населения в другие страны приобрели значительную актуальность.

Контакты между Россией и Китаем имеют длительную историю. Однако мнения исследователей по поводу хронологии начала эмиграционных процессов расходятся. По данным китайских историков, первые упоминания о русских встречаются в китайских письменных памятниках во времена правления династии Юань (1280-1367) [2, с. 299; 3, с. 92; 4, с. 3-7]. Именно

XIII в. – время первых контактов Китая и России – авторы считают точкой отсчета первой волны российской эмиграции на территории Китая, которая охватывает достаточно большой период времени – до конца XIX в., в то время как отечественные исследователи связывают начало российской эмиграции со строительством КВЖД (конец XIX в.) [5, с.71; 6, с. 17; 7, с. 166; 8, с.122].

На вопрос о том, где и когда появились первые русские поселенцы, китайские историки дают разные ответы. Отмечается, что первые русские эмигранты появились в Китае еще в XVII в. [2, с. 299-300; 3, с. 92-93; 4, с. 1-7; 7, с. 165-166; 9, с. 19-24]. Это связано с освоением Приамурья, территорией в то время малозаселенной, но входившей в сферу влияния Китая. Вынужденными переселенцами в Китае оказались казаки, плененные под Албазином в результате военных действий 1685-1686 гг.; их отправили в Пекин, где они и осели. После подписания Нерчинского договора (1689) на всем протяжении XVIII в. и вплоть до середины XIX в. контакты россиян и китайцев вдоль берегов Амура носили эпизодический характер. Известно, что с 1715 г. по 1860 г. в Пекин из России было направлено 13 священнослужителей. А в 1845 г. прибыла группа студентов, чтобы познакомиться с китайской религией и культурой [2, с. 300; 3, с. 94; 9, с.21-24].

Активное освоение дальневосточных окраин России – после подписания Айгуньского 1858 г. и Пекинского дополнительного договоров 1860 г. – это длительный и сложный этап во взаимоотношениях русских и китайцев.

Согласно данным китайских авторов, после опиумной войны (1858-1860) в некоторых городах Китая осели русские коммерсанты. В Ханькоу в 1863, 1866, 1874 гг. они открыли банки; в Хунани, Хубэе, Цзянси, Аньхое и других провинциях вели торговлю [2, с. 300]. Таким образом, к первым русским поселенцам китайские исследователи относят купцов, миссионеров и студентов, сыгравших важную роль в развитии торговых и культурных связей между двумя странами. В провинции Хэйлунцзян (Маньчжурии) первые русские люди, по свидетельствам китайского историка Ши Фана, появились в 1882 г. у северного подножия Большого Хингана, возле реки Мохэ [9, с. 25-28]. Это были золотоискатели (казаки, торговцы, беглые каторжники), создавшие позднее так называемую Желтугинскую республику. В то время на добыче золота было занято около 9 тыс. человек.

В отечественных исследованиях подтверждается, что во избежание религиозных гонений в ближнем зарубежье переселилось немало семей сектантов и старообрядцев. И с конца XVII в. на территории Барги, расположенной к юго-востоку от среднего и нижнего течения р. Аргуни, возле хребтов Большого Хингана, появились русские казачьи отряды, охотники и беглые в поисках свободной жизни, им принадлежит первенство в освоении Трехречья, расположенного по правому берегу Аргуни между реками Ган (Ганьхэ), Дербул (Дэрбуерхэ) и Хаул (Хаулхэ) [2, с. 300; 7, с. 166; 10, с. 301]. В царской России эмиграция была запрещена, а разрешался лишь временный выезд за границу, тем не менее, по свидетельству исторических источников, некоторая часть россиян переселялась в Цинскую империю на постоянное жительство.

В конце XIX – начале XX вв. огромное стимулирующее значение в заселении и освоении российского Дальнего Востока имел ввод в строй отдельных участков Транссибирской магистрали, в частности Китайско-Восточной (КВЖД) и Уссурийской железной дороги. Одновременно с сооружением этой уникальной дороги формировалось русское население на территории Северо-Восточного Китая, известного под названием Маньчжурия [6, с. 17-18; 7, с. 166-168; 8, с. 51, с. 122]. Если в район Барги и Трехречья переселение шло стихийно и численность русских переселенцев была небольшой, то с конца XIX в., с началом строительства КВЖД по территории Северо-Восточного Китая, миграция россиян в эту часть страны приобретает контрактный характер. Одновременно с контрактными рабочими и служащими в зоне КВЖД появлялись и свободные переселенцы – представители мелкой буржуазии (торговцы, предприниматели, ремесленники, домашняя прислуга), заложившие основу развития многих

отраслей промышленности. Среди переселенцев были и старообрядцы [6, с. 17]. Сооружение КВЖД и процесс формирования русского населения в Северо-Восточном Китае китайские историки рассматривают как часть первой волны российской эмиграции.

Русская эмиграция в китайской историографии делится на два этапа – дооктябрьский и послеоктябрьский [3, с. 92; 4; 9]. Если в первый период русские эмигранты не представляли собой организованной группы, объединенной общей целью, то послеоктябрьская эмиграция была связана с изменением политической власти в России и несла на себе оттенок вынужденности поиска нового места жительства. Компактные поселения русских появились в Харбине, Тяньцзине, Даляне, Пекине, Шанхае, Циндао, в районе Синьцзяна, провинции Цзилинь и других районах. По мнению исследователей, наибольший приток эмигрантов из России в Китай пришелся на 20-е гг. XX в. В середине 20-х – 30-е гг. границу с Маньчжурией переходили жители приграничных районов, чтобы избежать насильственной коллективизации и репрессий [6, с. 20-21]. Кроме того, усилению интенсивности и массовости миграционных потоков из восточных районов России и центральноазиатских территорий способствовало начало Первой Мировой и Гражданской войн [10, с. 302]. Среди эмигрантов были старообрядцы Приамурья и Приморья, представители крестьянства, забайкальские казаки. Часть эмигрантов формировала поселения в приграничных районах (вдоль границы с провинцией Хэйлунцзян), другая отправлялась в глубь Китая. На приграничных территориях наиболее густо заселенным этническими русскими был район Барги (совр. Хулун-буйр), Трехречье. Происходило движение российского населения из Даурии (Забайкальского Приаргунья) на территорию китайского Приаргунья [10, с. 301].

Исследователи выделяют три основных центра восточной русской эмиграции в Китае – Маньчжурию, Северный Китай, Шанхай. Сложные исторические условия, в которых находилась русская эмиграция в Китае, определили два основных направления ее дальнейшего движения: репатриация и реэмиграция. С 1923 г. начался отток российских граждан из Китая в другие страны. Реэмиграция осуществлялась в Австралию, Южную и Северную Америку, в другие части света. Происходило движение эмигрантов и внутри страны, до окончательного исхода из Китая. Так, летом 1925 г., после передачи КВЖД в советско-китайское управление, началось движение русских эмигрантов в Шанхай. Конфликт на КВЖД в 1929 г. также привел к значительным потерям беженского населения приграничных районов и массовой миграции из зоны военных действий главным образом в Шанхай, в меньшей степени – в Северный Китай. В 1937 г. очередная волна миграции русского населения была вызвана расширением в Китае японской экспансии [5, с. 80; 6, с. 22].

Первая массовая репатриация советских граждан произошла в 1935-1937 гг., после продажи КВЖД, когда остро встала проблема трудоустройства [6, с. 22; 10, с. 304-305]. Многие репатриировались в СССР в 1946 г., после разрешения получить советские паспорта. В связи с Великой Отечественной войной СССР на волне патриотических настроений в эмигрантской диаспоре переход в советское гражданство усилился [11, с. 241].

В середине 50-х гг. подавляющее большинство эмигрантов покинуло Китай. Однако были и те, кто остался, не желая покидать обжитые места. Многие из них в 50-х – начале 60-х гг. вытеснили китайские власти [6, с. 22; 8, с. 386]. Среди оставшихся на территории Китая этнических русских были в основном те, кто пошел по пути метисации, т.е. вступил в смешанные браки с китайцами. В настоящее время они представляют русскую восточную эмиграцию во втором и третьем поколениях.

Потомки русских эмигрантов, частично ассимилировавшись с китайцами, превратились в этнокультурную группу, являющуюся органичным элементом страны проживания. Уезд Сюнькэ провинции Хэйлунцзян, где до сих пор проживают этнические русские, а также потомки смешанных семей, – яркий тому пример. Вот что пишут о «русских» в китайской газете

«Женьминь жибао»: «...У русской национальности имеется свой язык и письменность, но в общении русские говорят по-китайски и пишут на китайском языке. Соблюдение церемоний и вежливость являются одной из особенностей русской национальности. У русских женщины пользуются особым уважением, мужчины всегда оказывают ей знаки внимания и заботятся о женщинах <...> русские гостеприимны, они всегда тепло и сердечно принимают своих гостей и угощают их всем, что только есть <...> большинство русских, проживающих в Китае, исповедует православие. Новый год, Рождество и Пасха – их главные праздники» [12].

В настоящее время русские составляют одно из национальных меньшинств Китая и пользуются поддержкой государства. В начале XX в. первых русских эмигрантов называли «натурализованная национальность», а место их проживания – «поселение натурализованных жителей». После образования нового Китая национальность была переименована – русские [13]. По данным различных источников, численность населения потомков русских эмигрантов, проживающих на территории КНР, в настоящее время составляет от 10 до 15 тыс. человек. Этнические русские расселены в городах Или, Дачэн, Алтай, Кульджа, Урумчи Синцзян-Уйгурского автономного района. Меньшее количество проживает в провинции Хэйлуцзян и в автономном районе Внутренняя Монголия (русская национальная волость Шивэй, пос. Лабдарин, город Энхэ) [13; 14]. По имеющимся немногочисленным данным (упоминания в научных исследованиях, публикации в центральных и региональных СМИ), в провинции Хэйлуцзян потомки переселенцев из России проживают в районе Мохэ, городке Хума, в уезде Сюньке – селе Сяодинцзыцунь, переименованном не так давно в Русское Пограничное, в селе Хатаян и некоторых других. Вот несколько примеров из средств массовой информации. «...настороженность женщины исчезает, и она роняет несколько слов: «Моя мать была русской. Я забыла русский, последний раз говорила десять, нет, двадцать лет назад, точно и не помню... Отец был китаец, но тоже говорил по-русски. Мы жили в другой деревне. После наводнения переселились сюда, сорок лет назад». Спрашиваю, как ее звала мать. «Лина, мое русское имя — Лина». Она помнит, что в начале весны все дарили друг другу крашеные яйца. У нее было много русских друзей, «но теперь все умерли, я последняя, кто говорит по-русски». Женщина уже не помнит, когда и по какой причине ее русские дед и бабушка поселились на берегах Амура. Может быть, их принесла в район Мохэ первая большая волна русской эмиграции — та, которую породила золотая лихорадка, случившаяся здесь в конце XIX века...» [15].

«В округе Хэйхэ две деревни носят статус национального русского села, когда-то там жило несколько сотен русских, бежавших от судьбы и революции, скрывшихся за рекой от сталинских репрессий, и русских девок, вышедших за замуж за домовитых китайцев. Деревня Хатаян на полном серьезе называется русской, об этом говорит даже вывеска на безграмотном «великом и могучем» на самом въезде в село. Сегодня от русского духа осталось совсем немного, главное – статус национального села, который позволяет ежегодно получать из пекинской казны миллион юаней. Поэтому местная власть изо всех сил и поддерживает идею русской деревни» [16]. Еще одна из этих двух деревень – Сяодинцзыцунь, переименованная в 2003 г. в Русскую пограничную [17]. «...Внешность большинства жителей Сяодинзы типично славянская: длинный нос, глубоко посаженные светлые глаза. По одежде русских здесь не отличить от китайцев. Лишь пожилые женщины носят юбки, а голову повязывают платком. Жители деревни говорят на чистом северо-восточном диалекте. В деревне всего насчитывается 900 человек. Половина из них русской национальности» [18].

Стабильной формой межэтнического взаимодействия в Дальневосточном регионе является смешанный русско-китайский брак, модель которого в подавляющем большинстве случаев соответствует схеме: муж – китаец, жена – русская. Исследование языковой компетенции членов

таких семей, в которой проявляется персонологическая составляющая межъязыкового взаимодействия, представляет несомненный научный интерес. Языковая компетенция рассматривается нами как совокупность языков и их форм, находящихся в активном и пассивном запасе языковой личности [19, с. 17].

Под активным использованием языка мы понимаем его применение в различных коммуникативных ситуациях (говорение), пассивное использование предполагает понимание речи на языке при слабой или вовсе утраченной способности говорить.

По данным публикаций, для потомков от смешанных браков русских и китайцев, проживающих на территории Китая, основным языком является китайский. Они обладают, как правило, минимальным уровнем языковой компетенции и показывают владение языком, совпадающим с языком страны проживания. Кратко охарактеризуем несколько языковых личностей, сформировавшихся в приграничном Китае в XX в.

Николай, 1940 г. рождения, проживает в китайском селе Хатаян на берегу Амура (метис в первом поколении). Отец – русский, в 1937 г. бежал из п. Поярково (Амурская область, Михайловский район) в Китай после расстрела двух его братьев. Мать «полукровка» – метиска, рожденная в русско-китайском браке. До 10 лет Николай говорил по-русски. В настоящее время говорит только по-китайски, русский язык не помнит. Имеет троих детей. Дети русского языка не знают (второе поколение метисов).

Мария, родилась в 20-х гг. XX в., проживает в китайском селе Хатаян на берегу Амура (метиска в первом поколении). Отец – китаец, мать – русская из села Коршуновка (Амурская область). По-русски Мария говорит, но плохо, китайский – основной язык, «сорок лет не говорила по-русски, с того дня, как мама умерла» [16]. Николай, муж Марии, также рожден в смешанном браке, по-русски не говорит. У Марии и Николая семеро детей. Русского они не знают (второе поколение метисов).

Шан Жи (русское имя Тамара), 1944 г. р. – первое поколение метисов. Проживает в приграничном городе Хума. Мать – русская, привезла ее из Благовещенска в Хуму десятилетней девочкой. По-русски говорит с трудом. Муж Шан Жи – китаец, дома говорят только по-китайски. Жалеет, что не поддерживала знание русского языка: «Я как-то оказалась в Харбине, и там русские туристы принимали меня за свою, думали, я переводчица. Если бы я свободно говорила по-русски, могла бы отлично зарабатывать» [15].

Ли Юн, родилась в 1931 г., проживает в селе недалеко от г. Хума на берегу Амура (первое поколение метисов). Отец – китаец, мать и бабушка – русские из приграничной российской деревни, бежали в Китай в 20-х гг. XX в. Ли Юн хорошо понимает, но с трудом говорит по-русски: *«Моя мать умерла 20 лет назад, и с тех пор разговаривать по-русски было не с кем. Мать объяснялась по-китайски с трудом, а бабушка китайский и вовсе не понимала. Ее звали Шура, она переселилась сюда из деревни в семидесяти километрах выше по течению Амура...»*. У Ли Юн есть сын Шань Ли, метис второго поколения, русского языка не знает.

Даже эти немногочисленные примеры языковых личностей позволяют сделать некоторые выводы о языковой компетенции членов смешанных семей в китайском приграничье и ее эволюции. Точные данные о численности и языковой компетенции представителей национального меньшинства «русские» отсутствуют. Данная область восточной ветви русской эмиграции практически не исследовалась, требует научного изучения и включения в общую картину восточной ветви русского зарубежья. В перспективе разработки данной темы необходимо осуществить описание языковых личностей – представителей этой части восточной эмиграции, выявить уровень их языковой компетенции по данным анализа их владения фонетической, морфологической, синтаксической, лексической системами русского языка, а также определить

обусловленность уровня их языковой компетенции собственно лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

-
1. Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. – Владивосток: ДВО РАН, 2003. – 220 с.
  2. Василенко Н.А. О некоторых аспектах истории российской эмиграции в работах китайских авторов // Годы, люди, судьбы: История российской эмиграции в Китае: материалы конференции. – М., 1998.
  3. Владимирова Д.А. Эволюция образа россиян в китайской историографии // Россия и АТР. – 2008. – № 4. – С. 91-103.
  4. Ли Сингэн, Ли Жэньнянь. Фэньюй фупин: Эго цяоминь цзай Чжунго (Ряска в непогоду: Русские эмигранты в Китае). – Пекин, 1997.
  5. Дубинина Н.П., Цыпкин Ю.Н. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 70-84.
  6. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009.
  7. Василенко Н.А. Русское население в Маньчжурии (конец XIX - начало XX в.) // Дальний Восток России в контексте мировой истории от прошлого к будущему: материалы международной научной конференции 18-20.06.96. – Владивосток: Дальнаука, 1997. – 316 с.
  8. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). – М.: НД ИД «Русская панорама», 2004. – 432 с.
  9. Ли Дэбин, Ши Фан. Хэйлуңцзян иминь гайяо (Иммигранты в районе Хэйлуңцзян). – Харбин, 1987.
  10. Аблажей Н.Н. Миграционный обмен России (СССР) и Китая: основные этапы и тенденции развития в XX веке // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – 3. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002.
  11. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920 – 50-е гг.): Монография. – Хабаровск: Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации, 2003.
  12. Национальные меньшинства Китая: русские // Газета «Женьминь жибао». – 2006. <http://russian.people.com.cn/31516/4298977.html>.
  13. Китай – Национальность «русские» // Китайский информационный интернет-центр. <http://china.kulichki.net/figures/nationality/034.shtml>.
  14. Курто О. Вы русские? Мы тоже или «Сидя на сопках Маньчжурии» // интернет-портал «Россия в красках». – 2009. http://ricolor.org/rz/kitai/rossia/emigr/adaptation/11_09_09.
  15. Шишманова П. Берег бывших русских // Вокруг света. – 2011. – № 3. – <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7374/>
  16. Ярошенко А. Другой берег судьбы // Город. – 12.09.2007.
  17. Деревня «Сяодинзы» на берегу реки Хэйлуңцзян // Газета Женьминь жибао. – 2006. <http://russian.people.com.cn/31516/5143708.html>.
  18. Село русских в Китае // Газета Женьминь жибао. – 2006. <http://russian.people.com.cn/31516/4161234.html>
  19. Оглезнева Е.А. Русско-китайское взаимодействие на Дальневосточных территориях России: Историко-лингвистический очерк // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2010. – С. 6-25.